

Крестьянство в колхозах: этика выживания в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области)¹

С. В. Шарапов

Сергей Валерьевич Шарапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется социальное и экономическое поведение колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны. В условиях усиления мобилизационного натиска императив выживания по-прежнему определял крестьянское отношение к труду, хозяйствованию, своему ближайшему окружению и вышестоящей власти. Положение колхозов было дифференцированным: их экономика зависела от степени обеспеченности облагаемых натуральными налогами земельных площадей рабочей силой. Отсюда существенные различия в условиях хозяйственной деятельности. В соответствии с этим варьировалось отношение крестьянства к колхозному труду. В наименее благоприятных обстоятельствах участие в артельных работах не сулило крестьянину ничего, кроме сверхинтенсивного труда без достаточной для выживания компенсации. Хотя в целом поведение крестьян можно считать адаптивным, невыносимые условия в экономически бесперспективных колхозах вынуждали их прибегать к практикам пассивного сопротивления (от некачественного и несвоевременного выполнения работ до прямых противозаконных действий). Границы терпимости по отношению к крестьянскому неповиновению на протяжении 1930–1940-х годов не были стабильными, однако сужению пределов дозволенного в условиях войны мешало слабое надзорное присутствие власти в сельской местности. В самой же крестьянской среде противозаконные действия получали моральное оправдание и зачастую помогали защитить себя от угрозы голода. Упорство, с которым крестьянство нарушало границы законности, значительно сокращало возможности власти контролировать колхозную экономику.

Ключевые слова: колхозное крестьянство, этика выживания, Великая Отечественная война, аграрная политика

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-169-184

В 1960–1970-е годы крестьяноведение обозначило себя в качестве альтернативы теоретическим подходам, отрицавшим самобытность крестьянства или предлагавшим рассматривать его в рамках уже существующих научных дисциплин. Оно настаивало на необхо-

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00100 «Социальная адаптация сибирского крестьянства в конце 1920-х — первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги» (<https://rscf.ru/project/24-28-00100/>)

димости изучения крестьянства как особого социального феномена, что требовало разработки специального теоретико-методологического аппарата. Оригинальную концепцию крестьянского общества предложил в 1970–1980-е годы американский исследователь Джеймс Скотт. В ней ориентация земледельческого хозяйства на обеспечение достаточного для выживания семьи дохода служила ключом к объяснению особенностей поведения крестьянства. Пребывание под постоянной угрозой голода определяло принципы технической, социальной и моральной организации крестьянского общества, а присущая ему поведенческая рациональность основывалась на так называемой этике выживания.

Крестьянство никогда не существовало изолированно от политической и экономической систем общества, испытывая на себе влияние происходивших в них перемен. В книгах Скотта исследовалось крестьянское поведение в условиях капиталистической трансформации экономики (Scott, 1976; Scott, 1985), утверждалось, что оно всегда было преимущественно адаптивным, но социальные обстоятельства, угрожавшие выживанию крестьянской семьи, толкали к различным формам активного или пассивного сопротивления установившимся порядкам эксплуатации. На наш взгляд, теория американского исследователя применима и к вариантам некапиталистической трансформации экономики, примером которой является форсированная индустриализация и коллективизация в СССР. Советскому крестьянству на рубеже 1920–1930-х годов пришлось пережить насильственный слом прежних форм организации хозяйства и общественной жизни. В данной статье мы попытаемся применить концепцию этики выживания для анализа крестьянского поведения в сибирской деревне в годы Великой Отечественной войны.

Этика выживания и колхозное крестьянство

Концепция Скотта заключается в том, что императив выживания лежал в основании отношения крестьянина к труду, хозяйству, вышестоящей власти и сообществу, к которому он принадлежал. В докапиталистической деревне крестьянин был главным потребителем результатов своего собственного труда. Соответственно, выживание напрямую зависело от успеха или провала его трудовой деятельности. Ее результативность не была гарантирована в силу изменчивости природно-климатических факторов, влиявших на продуктивность сельского хозяйства. Нестабильность урожаев, постоянное пребывание под угрозой голода определяли форму ведения хозяйства и облик крестьянского социума.

Наиболее правильным, по мнению Скотта, было бы объединить традиции социального и экономического поведения крестьянства понятием «моральная экономика». Одна из ключевых ее черт заключается в том, что крестьянин в большинстве случаев предпо-

читал консервативные методы хозяйствования, доказавшие эффективность в стабилизации минимально необходимых для выживания доходов, рискованным технологическим новациям, рассчитанным на рыночную конъюнктуру (Scott, 1976: 17-18). Моральная экономика воспроизводила особые формы коллективизма и взаимопомощи, которые призваны были смягчать постоянно нависавшую угрозу голода (Scott, 1976: 41). Императив выживания определял здесь и специфическое отношение к вышестоящей власти: крестьянство рассчитывало на патронаж со стороны государства или феодалов, но вместе с тем при посягательстве на минимальный для выживания остаток продукции оно же могло выступить и против власти (Scott, 1976: 52).

Исторически крестьянству приходилось реагировать на перемены, которые происходили независимо от него в экономическом укладе общества. Капиталистическая экономика нарушала стабильность традиционных связей, скреплявших крестьянское сообщество, вынуждая в одних случаях приспосабливаться к рыночной конъюнктуре, а в других — обращаться к активным (восстание, бунт) или пассивным (воровство, симулирование труда, саботаж, притворное подчинение и т. д.) формам сопротивления (Scott, 1985: xvi). При этом чувство несправедливости, приводившее к протесту, возникало вследствие нарушения моральных принципов, сквозь призму которых крестьянство рассматривало взаимоотношения с высшими классами или государством. Таковыми были право на существование и принцип взаимоподдержки, который приводил к антагонизму в том случае, если классовые отношения оценивались низшими слоями не как сотрудничество, а как эксплуатация (Бабашкин, 2015: 36-37).

Коллективизация в СССР навязала крестьянству новую форму организации хозяйства и социума. Несмотря на то что в течение 1930-х годов власть последовательно утверждала безальтернативность колхозно-совхозного аграрного строя, превратить крестьянство в класс дисциплинированных колхозников, которые бы полностью связывали с сельхозартелями личные и общественные нужды, ей не удавалось. И в конце десятилетия ростки индивидуального крестьянского хозяйствования пробивались там, где государственный надзор ослабевал. В 1938 году НКВД с тревогой докладывал сельхозотделу ЦК ВКП(б) о распространении «частнообственнических» тенденций среди колхозников, которые обзаводились скотом (нарушая установленные нормы), расширяли свои индивидуальные хозяйства (нередко за счет колхозных земель), искали побочные заработки или покидали колхозы². В некоторых регионах «образовались группы населения, не относящиеся ни к колхозни-

2. Докладная записка 9-го отдела 1-го Управления НКВД СССР в Сельхозотдел ЦК ВКП(б) о частнообственнических тенденциях среди колхозников в ряде областей Союза ССР // Трагедия советской деревни. Коллекти-

кам, ни к единоличникам, выпадающие из поля зрения сельсоветов при выполнении государственных обязательств»³.

Тяга крестьянства к экономической активности за пределами колхозов была напрямую связана с нестабильностью артельных доходов. Отсутствие гарантий выживания служило драйвером воспроизводства внеколхозных (или колхозных, но внеуставных) практик хозяйственной и социальной жизни. После относительно урожайного 1937 года в Новосибирской области доходы крестьян от артельных работ начали стремительно снижаться. Война и усиление мобилизационного натиска, в свою очередь, ускорили их падение (табл. 1). Согласно отчету сельхозотдела обкома, в 1942 году выдача хлеба на трудодень в среднем по области на одного едока (включая нетрудоспособных) составила 192 г⁴. Колхозы, очевидно, были не в состоянии прокормить своих работников.

Таблица 1. Выдача зерновых и бобовых на трудодень в колхозах Новосибирской области в 1937–1942 гг.

Год	1937	1938	1939	1940	1942
Общее количество колхозов	3456	3455	3732	3697	3564
Без выдачи на трудодни	69	64	156	86	110
С выдачей до 1 кг	229	439	1031	2237	3258
С выдачей от 1,01 до 2 кг	497	965	1397	940	192
С выдачей от 2,01 до 3 кг	587	694	646	350	4
С выдачей от 3,01 до 5 кг	1108	726	419	80	–
С выдачей от 5,01 кг и выше	966	567	83	4	–

Источник: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 246.

Суждение А. В. Чайнова о том, что объемы трудозатрат крестьянина зависели «от степени обремененности работника потребительскими запросами своей семьи» (Чайнов, 1989: 241), вполне применимо и к колхознику. В этой связи эксплуатация его труда в колхозе, которая не приносила необходимый для выживания доход, должна была дополняться определенной мерой «самоэксплуатации» в личном приусадебном хозяйстве (ЛПХ), достаточной для достижения минимального уровня потребления. Работа в артели, с точки зрения крестьянина, превращалась в бремя, повинность, которая отнимала и без того ограниченный трудовой ресурс, который крестьянин мог бросить на борьбу за физическое выживание.

Докладные записки управления НКВД по Новосибирской об-

визация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. М.: РОССПЭН, 2006. С. 311–317.

3. Там же. С. 314.

4. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 247.

ласти о продовольственных затруднениях в колхозах убедительно показывают, что в наиболее уязвимом положении находились те колхозники, которые по разным причинам были не в состоянии вести свои личные подсобные хозяйства. Ставка исключительно на артельные заработки могла привести семью на порог голодной смерти. Например, в 1943 году колхозница Агафья С., имея многодетную семью (пятерых детей от 5 до 13 лет), выработала 800 трудодней, что значительно превышало установленный государством обязательный минимум (даже с учетом его повышения в 1942 году). В результате хлеба от артели она не получила, а дети опухли от недоедания⁵. Колхозница Елена Л., имея пятерых детей и будучи сторожем колхоза, выработала 500 трудодней. Не получив по трудодням хлеба, семья вынуждена была питаться падалью⁶. Нетрудно заметить, что в бедственном положении оказывались лишившиеся кормильца многодетные семьи, в которых матери были не в состоянии одновременно работать в колхозе, вести ЛПХ и заниматься воспитанием детей.

Положение крестьянской семьи было сопряжено с высокими рисками — если колхоз не обеспечивал даже минимальных потребностей, усиление мобилизационного натиска могло нести угрозу самому существованию семьи. Императив выживания, несомненно, влиял на выбор трудового поведения крестьянина, и этот выбор зачастую входил в противоречие с хозяйственными интересами артели.

Трудовое поведение

Отношение колхозников к общественному труду было связано с экономическим состоянием сельхозартелей и, соответственно, различалось в зависимости от разнообразия локальных условий. В этом контексте требует объяснения факт одновременного наличия в регионе так называемых передовых (выполнявших заготовительные планы и обеспечивавших сравнительно высокую оплату трудодня) и отстающих колхозов. С этим же связан вопрос о том, что влияло на крестьянскую мотивацию к дисциплинированному труду в артелях? Количество передовых колхозов было незначительным: в декабре 1942 года к таковым отнесены 5,5% артелей области⁷, только 196 колхозов в том же году выдали больше 1 кг зерна на трудодень (табл. 1). В то же время областные власти признавали целые районы экономически «неблагополучными». В феврале 1943 года первый секретарь М. В. Кулагин на заседании бюро обкома посчитал

5. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 294.

6. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 294.

7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 235. Л. 2740б.

такowymi не менее 15 районов области⁸. В наиболее тяжелом продовольственном положении находились пять из них: Северный, Каргатский, Михайловский, Куйбышевский и Пихтовский⁹.

Различия в экономическом состоянии были в значительной степени predeterminedены независимыми от колхозов условиями. Переход в 1940 году к погектарному принципу обложения обязательными поставками основных сельскохозяйственных продуктов ставил их объемы в зависимость от размеров закрепленного за колхозом земельного фонда. При этом совершенно не учитывались возможности артели по освоению и продуктивному использованию приписанных площадей. В условиях ослабления МТС во время войны экономические перспективы колхоза оказывались обусловлены тем, насколько нагрузка земельного фонда была по силам остатку трудоспособного населения. Решающим становился вопрос, в какой мере имевшаяся в колхозе рабочая сила могла обеспечить посевы закрепленную за ним площадь пашни?

Для малоземельных артелей введение погектарного принципа могло привести даже к улучшению условий, тогда как положение многоземельных колхозов, страдавших от нехватки рабочей силы, ухудшалось: резко возросшие заготовительные планы лишали их всякой возможности рассчитаться с государством, а значит, и получить зерно на трудодни. Явное неравенство было замечено и на самом вершине партийно-государственной вертикали. В 1943 году секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А. А. Андреев после поездки в Татарскую республику составил для И. В. Сталина подробную записку, в которой раскритиковал дисбалансы, порожденные погектарным принципом: «Мы явно недобираем в заготовках известную часть зерна и других сельскохозяйственных продуктов, — писал Андреев, — из-за того, что одни колхозы, сравнительно малоземельные, получили облегчение при погектарной сдаче в сравнении с прежним порядком заготовок, а колхозы многоземельные не в состоянии выполнить своих планов заготовок»¹⁰.

В Новосибирской области преобладали многоземельные сельхозартели. Если проанализировать дифференциацию колхозов по параметру нагрузки облагаемой земельной площади на один крестьянский двор, неравенство стартовых условий хозяйственной деятельности становится весьма заметным: нагрузка колебалась от 2 до 30 га и выше (табл. 2). Можно представить, насколько несопоставимыми были объемы трудозатрат, которые требовались для экономического выживания столь разных артелей.

8. ГАНО. Ф. П-4. Оп.33 Д. 686. Л. 40.

9. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 35. Л. 470б.

10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 198.

Таблица 2. Дифференциация колхозов Новосибирской области по показателю количества облагаемой зернопоставками земли на один колхозный двор в 1943 году

Количество облагаемой зернопоставками земли на один колхозный двор	Количество колхозов	Удельный вес (%)
До 5 га	267	6,1
От 5 до 10 га	614	17,0
От 10 до 15 га	1031	28,6
От 15 до 20 га	791	22,0
От 20 до 25 га	458	12,7
От 25 до 30 га	230	6,4
От 30 га и выше	218	6,0

Источник: ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 314. Л. 146.

На наш взгляд, сама возможность выполнения заготовительного плана и распределения остатка продукции на трудодни зависела от обеспеченности облагаемой земельной площади достаточным количеством трудоспособного населения. Разумеется, вступали в действие и другие факторы: рациональное хозяйственное управление, наличие семенного фонда, использование агротехники и прочее. Тем не менее большинство из названного (способность вести семенное хозяйство, многие агротехнические мероприятия, как, например, вывоз органических удобрений или прополка посевов) также зависело от количества располагаемой рабочей силы. Если интенсивное использование сельхозтехники и способно было частично нивелировать действие фактора обеспеченности рабочей силой, то ослабление МТС в годы Великой Отечественной войны производило скорее обратный эффект.

Вряд ли дисциплинированную работу колхозников в передовых артелях следует связывать с высокими заработками — война в конечном счете уравнила колхозы в бедности (табл. 1). Логичнее предположить, что меньшая трудовая нагрузка позволяла колхозникам, выполняя обязательства перед государством, высвободить достаточную часть личного трудового ресурса для работы на себя. Напротив, высокая нагрузка из-за переобремененности земельной площадью могла обесмысливать в глазах колхозников участие в артельных работах. Каждый из работников соотносил степень необходимых для выполнения плана индивидуальных и коллективных трудозатрат с возможным доходом и потребностями семьи. В наименее благоприятных условиях добросовестное участие в артельном хозяйствовании не сулило ничего, кроме сверхинтенсивного труда без перспектив получить достаточный для выживания доход. Чувство несправедливости подкреплялось экономически «противоестественной» ситуацией, когда коллективные хозяйства, требовавшие наибольших трудозатрат, обеспечивали работникам наименьшую

С. В. Шаранов

Крестьянство

в колхозах: этика выживания в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области)

их компенсацию. Формировавшийся в таком случае разрыв между личными интересами колхозника и его семьи и интересами колхоза деструктивно влиял на трудовую дисциплину.

Внутри экономически бесперспективных колхозов под действием неблагоприятной конъюнктуры протекали процессы, ускорявшие их хозяйственную деградацию. В докладной записке заместителя заведующего сельхозотделом Новосибирского обкома Н. Жуковского отмечалось стремление колхозников уклониться от физического труда на артельных полях и занять любые должности с повременной оплатой труда (конюха, сторожа, кладовщика, возчика почты и т. д.). Такие колхозники, по утверждению Жуковского, «вырабатывают больше трудодней», «имеют много свободного времени, больше внимания уделяют своему личному хозяйству и живут лучше работников полеводства»¹¹.

Желание занять в колхозе должность, не связанную с физическим трудом в земледелии, вполне понятно. Во-первых, это облегчало выполнение обязательного минимума трудодней, во-вторых, сезонные земледельческие работы требовали высокой интенсивности трудозатрат, отнимая физический ресурс работника, необходимый для одновременного ведения ЛПХ. Должности с повременной оплатой труда позволяли равномернее распределять трудозатраты, что давало преимущество в борьбе за выживание.

По той же причине в отстающих колхозах разрастался штат административно-управленческого персонала. Если в среднем по колхозам области в 1944 году на его долю приходилось 15,1% всех выработанных трудодней, то в слабых районах данный показатель был выше (в Кольванском — 20,9%, в Михайловском — 19,8%, в Убинском — 18,9% и т. д.). Отрыв от среднего показателя становится более впечатляющим, если мы спустимся на уровень отдельных артелей. Так, в колхозе им. Куйбышева Каргатского района — 35,5%, в колхозе «Сибирская звезда» Кольванского района — 32,9%, в колхозе «Коммунист» Пихтовского района — 43,6% и т. д.¹² Такого рода дисбалансы усиливали социальную напряженность внутри трудовых коллективов. Только с 1 августа по 20 ноября 1944 года через военную цензуру прошло 91 письмо, отправленное колхозниками области своим родственникам на фронт, в которых сообщалось о насилии со стороны колхозной администрации и принуждении к труду¹³.

В свою очередь, занятые физическим трудом колхозники изыскивали любые возможности экономить свой личный трудовой ресурс, но уже в ущерб колхозному хозяйству. Наиболее радикальной формой такого рода деструктивного для артели поведения становился прямой отказ от участия в общественных работах, невы-

11. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 214. Л. 242.

12. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 214. Л. 244–245.

13. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 248.

ход в поле. Учитывая, что разрыв с колхозом грозил полной утратой социального статуса, в большинстве случаев крестьяне все же формально подчинялись дисциплинарным требованиям. Однако безразличие к результативности артельного хозяйствования вело к распространению практик имитации труда, некачественного и несвоевременного выполнения работ.

Имитацию хозяйственной деятельности возможно обнаружить в каждом сегменте колхозных работ, начиная от случаев высева некондиционных семян без заделки их в почву и заканчивая умышленным увеличением потерь во время уборочной кампании. Колхозы были заинтересованы в том, чтобы как можно большая часть собранного урожая была приведена в некондиционное состояние, ведь непригодное для сдачи государству зерно оставалось для внутреннего потребления. М. В. Кулагин в 1942 году на заседании бюро обкома, посвященном хлебозаготовкам, отмечал, что сельхозартели сознательно допускают порчу урожая: «Имеют место такие случаи, когда гибнут хлеба, потому что оставляют зерно в большом количестве необранным под крыши, оно греется, гибнет и идет в отходы. Отходы прибирают к месту, имея в виду, что когда настанет нужда, эти отходы можно будет использовать или как зерно, или на фураж»¹⁴. В распоряжении колхозов было множество способов искусственно создавать отходы. Как указывалось в постановлении обкома от 2 декабря 1943 года, колхозы «засоряют хлеб примесями других культур и приводят его в некондиционное состояние для сдачи государству, при длительном хранении зерна неочищенным, подвергают порче, с целью использования на внутривозхозяйственные нужды»¹⁵. Сама по себе очистка зачастую оборачивалась имитацией. 18 ноября 1942 года в рассылаемом по районам закрытом письме обком предупреждал местные власти о необходимости внимательно относиться к тому, как работают колхозы: «Умышленно при обмолоте оставляют зерно в колосе или в соломе, или в различных отходах. Очищают зерно обязательно триерами с той же целью, как можно больше получить отходов, а затем израсходовать их на фураж или раздать по трудодням, тогда как зерно для сдачи государству можно сделать кондиционным путем очистки на обычных веялках и сортировках»¹⁶. В докладной записке о ходе хлебозаготовок в Тогучинском районе в 1942 году председатель облисполкома И. Т. Гришин предупреждал, что колхозы всеми возможными способами стараются затягивать работу по приведению зерна в кондиционное состояние для сдачи государству: «Как выяснилось, почти каждому уполномоченному и проверяющему дается такой ответ, что надо сортировать, надо сушить, надо подработать. Но как только уходит уполномоченный — ни сушки, ни подработки зерна

14. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 647. Л. 123.

15. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 728. Л. 106.

16. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 651. Л. 86.

не делают, сознательно затягивают, чтобы хлеб оставить на внутриколхозные нужды»¹⁷.

Экономически слабые колхозы демонстрировали явное невнимание к учету производственных результатов. В докладной записке областного уполномоченного комиссии партийного контроля (КПК) от 21 августа 1943 года, посвященной борьбе с потерями и хищениями зерна, запущенность учета намолоченного зерна отмечалась как характерная для колхозов проблема: «Дневники обмолота и уборки урожая совершенно не оформляются. Намолоченное зерно от весовщика никто не принимает. При отправке зерна с поля на сушилку накладные не выписываются. Просушенное и очищенное зерно с сушилки отправляется на пункты Заготзерно или в кладовую колхоза без веса. Акты на отходы не оформляются»¹⁸. Причина такого рода «бесхозяйственности» заключалась в том, что произведенная продукция не обладала для колхозов меновой ценностью, поскольку без остатка и компенсации поставлялась государству. Запутывание учета могло быть и сознательной практикой, поскольку открывало возможность реализовывать для себя потребительную ценность продукции, хотя и в результате противозаконных действий (расхищение зерна и его использование для внутреннего потребления).

Противозаконные практики в экономическом поведении крестьянства

Нарушение многочисленных формальных правил, уставов, постановлений, распоряжений и законов еще в 1930-е годы вошло в крестьянскую поведенческую норму. Укорененная в жизни крестьянства привычка нарушать предписания становилась неотъемлемым элементом крестьянских практик борьбы за выживание. Упорство, с которым колхозное крестьянство нарушало устанавливаемые порядки, вынуждало власть расширять границы терпимости по отношению ко многим формам крестьянского неповиновения. Для самого же крестьянства оно являлось ответной реакцией на наступление государства на сами условия его существования. Ш. Мерль, анализируя взаимоотношения местной власти и колхозного крестьянства в довоенный период, считает, что установление внешнего контроля над колхозами совмещалось с толерантностью к низовым «коррупционным практикам», которые позволяли крестьянам защитить себя от угрозы голода (Мерль, 2017: 55). Граница допустимого, таким образом, была подвижной — местная власть могла закрывать глаза на противозаконное поведение крестьян, если оно помогало их выживанию (районные управленцы, в свою очередь, были мало

17. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 654. Л. 77об.

18. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 35. Л. 126об.—127.

заинтересованы в доведении вверенных им в попечение территорий до ситуации голода).

В условиях войны и грандиозных мобилизационных задач, которые стояли перед советской властью, границы терпимости неизбежно сужались. Политический центр всячески настраивал местные власти тщательнее следить за соблюдением формальной законности. Так, в апреле 1943 года был издан приказ Прокурора СССР «О неудовлетворительном выполнении закона от 7 августа 1932 г.». В приказе подчеркивалось, что местные органы прокуратуры «зачастую примиренчески относятся ко всякого рода расхитителям государственной и колхозной собственности, потому что некоторые прокуроры, видимо, забыли, что общественная собственность является основой советского строя, она священна и неприкосновенна»¹⁹.

Несмотря на требования со стороны центральной власти, регионы были не в состоянии контролировать границы крестьянского неповиновения. Прежде всего, по причине слабого охвата сельской местности «полицейским» надзором. Мобилизации военного времени значительно проредили штаты НКВД и, в частности, милиции. Например, первый секретарь Тогучинского райкома оправдывал слабую борьбу с хищениями колхозной собственности, ссылаясь на нехватку людей: на 30 колхозов приходился всего один участковый милиционер. При этом их штат продолжал сокращаться²⁰. Столь же недостаточным было и политическое влияние партии. К 1 января 1944 года на 3837 колхозов области имелось всего 66 низовых парторганизаций²¹. В таких условиях борьба с противозаконными действиями крестьян не могла иметь системного характера, приобретая вид ограниченных по длительности кампаний, зачастую совпадавших с хозяйственно-политическими (посевной, уборочной, заготовительной).

Попадавшие в сводки областной прокуратуры экономические преступления вряд ли отражают действительные масштабы крестьянских нарушений. Хотя и они свидетельствуют о том, что противозаконные действия совершались не только индивидуально, но и коллективно, в том числе сам колхоз мог служить для них организационной формой. Например, в артели им. Буденного Туганского района во время хлебозаготовительной кампании 1943 года председатель созвал специальное совещание с участием своего заместителя, председателя ревизионной комиссии, кладовщика и счетовода. На этом собрании все участники единогласно решили утаить часть урожая от государства и спрятать для раздачи колхозникам. Для этого в тайге силами артели была отремонтирована

С. В. Шаранов

Крестьянство
в колхозах: этика
выживания в годы
Великой Отече-
ственной вой-
ны (по материа-
лам Новосибирской
области)

19. Приказ Прокурора Союза ССР Бочкова № 23 «О неудовлетворительном выполнении закона от 7 августа 1932 года». 29 апреля 1943 г. URL: <https://istmat.org/node/66616> (дата доступа: 07.02.2024)

20. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 719. Л. 82.

21. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 748. Л. 50б.

избушка, в которую свезли 108 ц хлеба, а для охраны приставили сторожа. На спрятанный хлеб были составлены фиктивные акты как на производственные отходы²².

В другом случае председатель колхоза «Новая Россия» дал установку бригадиру полеводческой бригады и кладовщику утаить часть хлеба, мотивируя это тем, что при полном его учете колхозникам ничего не достанется. Раздача зерна производилась ночью, причем себе, кладовщику, бригадиру и некоторым колхозникам председатель распорядился выдать хлеб не по трудодням, а по потребности, то есть количество, необходимое на целый год. Председатель Шамонов фактически прикрывал и индивидуальные хищения, открыто заявляя о своем толерантном к ним отношении: «Вы меня не бойтесь, а бойтесь легковой машины из района»²³.

Взаимоотношения колхозной администрации и трудового коллектива, уже исходя из сказанного, были противоречивыми. Председатель колхоза ситуативно оказывался перед выбором как минимум из двух вариантов поведенческой рациональности: первый из них определялся задачей выживания колхозного сообщества, второй вытекал из должностных обязанностей и ответственности перед вышестоящей властью. Они были слабо сопряжены друг с другом и нередко вступали в противоречие. Ярче всего этот конфликт интересов демонстрирует из ряда вон выходящий эпизод, который имел место в 1943 году. В колхозе «Молот» председатель Вагин заранее сообщил колхозникам об ожидаемом подворном обыске и велел ночью спрятать в культстане и на пасеке все имеющееся у них зерно и муку. Когда же колхозники, поверив председателю, спрятали продовольствие, Вагин показал представителям власти место «схрона» и заявил о находке похищенного в колхозе зерна²⁴. Предательство Вагина (мы можем квалифицировать данный поступок как предательство, только выйдя за рамки этики соблюдения законности) могло состояться лишь при условии подразумеваемой коллективной солидарности, которую Вагин использовал и в конечном счете бесцеремонно нарушил. Ситуация осложнялась еще и тем, что так называемые подворные обыски, по данным самой же областной прокуратуры, проходили с многочисленными нарушениями: зачастую у колхозников изымалась даже приобретенная законным путем продукция²⁵.

Давление со стороны вышестоящей власти принуждало колхозное правление сужать границы терпимости в отношении крестьянских противозаконных практик. В колхозах области было широко распространено использование артельных полей под индивидуальные нужды: колхозники занимали их под личные посе-

22. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 236об.

23. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 304–304об.

24. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 90.

25. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 175. Л. 89–91.

вы или использовали для сенокоса. Конфликтные ситуации возникали в том случае, если на подобные факты обращали внимание уполномоченные районных или областных властей. В таком случае колхозное правление вынуждено было «обобществлять» индивидуальные посевы или скошенное для личного скота сено. В ряде артелей колхозники, чаще всего женщины, оказывали физическое сопротивление, пытались избить председателей колхозов и работников, пришедших убирать их урожай. Отмечены случаи, когда женщины сжигали накошенное ими сено, чтобы оно не досталось колхозу²⁶.

В некоторых случаях артелям удавалось защитить своих членов от советского правосудия. Это случалось при выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин минимума трудодней, по приговору народного суда должны были караться исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. Предполагалось, что материалы на нарушителей будут передаваться в народный суд председателями колхозов и бригадирами. Именно последний пункт оказался слабым местом постановления. Несмотря на то что количество колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней, достигло в ряде районов очень высоких показателей, в судебные органы передавались материалы только на незначительную часть из них. Например, в 1943 году в Татарском районе по результатам обследования не выполнили минимума 1868 колхозников, но только на 419 материалы были переданы в народный суд²⁷. Более того, из-за крайне слабого контроля со стороны бюро исправительно-трудовых работ многие из приговоров в колхозах так и оставались неисполненными²⁸.

В октябре 1943 года в Новосибирской области после издания постановления ЦК ВКП(б) «О фактах разбазаривания общественного имущества в колхозах Новосибирской области» началась кампания борьбы против нарушений устава сельхозартели. По данным проверки, в 19 районах области расширение приусадебных участков колхозников за счет полевых земель колхозов имело место в 248 колхозах: 4540 дворов незаконно «прирезали» 495 га²⁹. Однако гораздо больший масштаб получила нелегальная практика сдачи колхозами в аренду земли городским организациям в обмен на востребованные в сельской местности промышленные товары. Это являлось показателем активной включенности

26. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 172. Л. 91–92.

27. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184. Л. 86.

28. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 184. Л. 178.

29. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 224. Л. 11.

колхозов в сферу теневой экономики. В 19 районах 117 колхозов незаконно сдали в аренду 216 организациям земельную площадь в размере 8360 га³⁰.

В данном случае теневые сделки компенсировали неповоротливость бюрократического аппарата, хотя государственная власть и осознавала потребность несельскохозяйственных организаций в обзаведении собственными подсобными хозяйствами. 7 апреля 1942 года было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), по которому облисполком должен был выявить и передать под подсобные хозяйства все пустующие земельные участки в городах, а при их отсутствии разрешить промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям производить временно посевы на неиспользуемых землях колхозов, с согласия последних³¹. Заявки на выделение земли поступали в облисполком и облземотдел, но рассмотрение их затягивалось. На 21 июня 1944 года оставались неразобранными дела об отводе земель 347 организациям на 28 309 га³². Как следствие волокиты — городские предприятия и организации предпочитали, минуя облисполком, договариваться с колхозами напрямую на взаимовыгодных условиях.

Столь же активно колхозная продукция, предназначавшаяся для сдачи государству, продавалась в обмен на промышленные товары несельскохозяйственным предприятиям и организациям. В торговле с колхозами участвовали отделы рабочего снабжения (ОРСы) городских предприятий и даже воинские части³³. Такого рода теневые операции компенсировали провалы товаропроводимости централизованной системы снабжения и значительно облегчали доступ колхозам к промышленным товарам, а несельскохозяйственным предприятиям — к продовольствию.

Заключение

Усиление мобилизационного давления на деревню в годы войны, происходившее повсеместно, тем не менее ставило колхозы в разные условия борьбы за выживание. Колхозы сильно различались по степени необходимых для выполнения планов трудозатрат. Поскольку оплата труда была явно недостаточной, требовались дополнительные источники дохода. Положение кол-

30. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 224. Л. 12.

31. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 65.

32. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 50. Л. 490б.

33. ГАНО. Ф. П-12. Оп. 1. Д. 64. Л. 208–2080б.

хозного крестьянства было тем сложнее, чем больше был разрыв между производственными возможностями колхоза и государственными заданиями. Отношение колхозников к артельным работам во многом зависело от того, насколько их выполнение совместимо с возможностью трудиться на себя (в ЛПХ). В тех артелях, где такая возможность блокировалась чрезмерной нагрузкой в артельном хозяйстве, возникала реальная угроза выживанию колхозных семей. Артельный труд в таких условиях приобретал характер эксплуатации, несовместимой с правом на существование. Крестьянское поведение и здесь по возможности было адаптивным — колхозники стремились занимать должности с повременной оплатой труда и не связанные напрямую с физическим трудом в земледелии. В иных случаях крестьянство вынуждено было прибегать к практикам пассивного сопротивления, которое принимало различные формы, начиная от некачественного и несвоевременного выполнения работ и заканчивая прямыми противозаконными действиями.

Описанные в статье формы сопротивления государственной эксплуатации возникли еще в 1930-е годы. В той мере, в какой колхозы становились привычной формой социальной жизни, крестьянство вырабатывало устойчивые поведенческие модели, индивидуальные или совместные, которые основывались на императиве выживания и не совпадали с экономическими интересами артелей. В условиях, когда государство наступало на минимальный уровень жизни, даже противозаконные действия получали моральное оправдание в крестьянской среде. В конечном счете такое поведение становилось ожидаемым и для самой власти, а упорство крестьян формировало некоторое пространство терпимости по отношению к противозаконным практикам. В годы войны государство предприняло попытку сузить пространство терпимости, требуя буквального соблюдения «социалистической законности». Однако успеху этой политики препятствовало недостаточное надзорное присутствие власти в сельской местности.

С. В. Шаранов

Крестьянство
в колхозах: этика
выживания в годы
Великой Отече-
ственной вой-
ны (по материа-
лам Новосибирской
области)

Библиография

- Бабашкин В. В.* (ред.) (2015). Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М.: Политическая энциклопедия.
- Мерль Ш.* (2017). Формы местного управления в советской деревне накануне Великой Отечественной войны: критерии эффективности и коммуникативные практики предотвращения крестьянских бунтов // *Крестьяноведение*. Т. 2. № 2. С. 53-76.
- Чаянов А. В.* (1989). Организация крестьянского хозяйства // *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. С. 194-443.
- Scott J.* (1976). *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Scott J.* (1985). *Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.

Peasantry of collective farms: Subsistence ethics during the Great Patriotic War (based on the materials from the Novosibirsk Region)

Sergey V. Sharapov, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090.
E-mail: Sharapovsv1@yandex.ru

Abstract. The article considers the social-economic behavior of the collective-farm peasantry during the Great Patriotic War. Under the strengthening mobilization pressure, the imperative of survival still determined the peasant attitude to work, economy, close social circle and higher authorities. The situation in collective farms differed, since their economy depended on the labor supply of lands as subject to taxes in kind, which determined differences in the peasant attitude to work on the collective farm. In the most unfavorable circumstances, participation in the *artel* work promised the peasant nothing else than super-intensive work without sufficient payment. Although peasants' behavior could be considered adaptive in general, unbearable conditions in economically unpromising collective farms forced peasants to practice passive resistance (from poor work and missing deadlines to illegal actions). The limits of tolerance towards peasant disobedience kept changing in the 1930s — 1940s; however, their weak supervision in the countryside did not allow the authorities to further reduce these limits during the war. The peasant community morally justified illegal actions as often helping to save themselves from hunger. The persistent peasant violations of the boundaries of legality greatly reduced the authorities' ability to control the collective farm economy.

Key words: collective-farm peasantry, subsistence ethics, Great Patriotic War, agrarian policy

References

- Babashkin V. V. (Ed.). (2015) *Sovremennoe krestyanovedenie i agrarnaja istorija Rossii v XX veke* [Contemporary Peasant Studies and Russian Agrarian History in the 20th Century], Moscow: Politicheskaja entsiklopedija.
- Merl S. (2017) *Formy mestnogo upravlenija v sovetskoj derevne nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny: kriterii effektivnosti i kommunikativnye praktiki predotvrashchenija krestyanskih buntov* [The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 53–76.
- Chayanov A. V. (1989) *Organizatsija krestyanskogo khozajstva* [Organization of the peasant economy]. *Krestyanskoe khozajstvo. Izbrannye trudy*, Moscow: Ekonomika, pp. 194–443.
- Scott J. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J. (1985) *Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.